

Венгерские народные сказки

Силач Янош

Было где-то или не было, а все ж таки было, говорят, за морем-океаном, за семьюдесятью семью царствами-государствами и еще на кривой вершок подальше, если отсюда глядеть, жила на свете бедная женщина с лежебокой сыном. Днем и ночью трудилась бедная женщина, пряла да ткала, руки-ноги ее покоя не знали, а бездельник сын валялся где попало целыми днями, пыль пересыпал из ладони в ладонь.

Шибко убивалась бедная женщина, кажется, лучше б помереть с горя-печали. Да только что же станется с ее дитяtkом единственным, ежели она богу душу отдаст? Он же совсем беспомощный, ленивец эдакий, ему и лакомство любимое прямо в рот подай – сам-то и руку не протянет.

Но в какой-то день Янош вдруг голову приподнял и спрашивает мать:

– А скажи-ка, родимая, отчего это стучат у соседей, да громко так?

– Соседи, сынок, дом новый ставят, оттого и стучат-приколачивают. Янош так и подскочил, говорит матери:

– Пойду-ка я к ним, родимая, может, чем-нибудь да помогу.

Бедная женщина даже онемела, глаза вытаращила: вот чудеса!

Пришел Янош к соседям, а они как раз вокруг бревна девятисаженного сгрудились, поднять хотят, а сил не хватает. Янош даже руками всплеснул, такое увидя.

– Да неужто,– кричит от ворот,– слабаки вы такие, что бревна не подымете?

– Ступай отсюда, бездельник, пыль дорожную перемальвать,– рассердился сосед,– не то затолкаю тебя самого под бревно!

– Да ты не ершись, сосед! Хороши ж вы, работнички! Хворостину, вишь, осилить не можете, зачем только кормят вас. А ну-ка подайтесь назад все!

Подхватил он бревно и поставил матицей – словно палку подбросил.

С той поры Яноша всюду встречали с почетом. Кто строиться вздумает, первым делом Яноша зовет на подмогу; самые неподъемные тяжести он подымает, зато и ему не жалеют денег – он уж и не придумает, что с ними делать, где складывать.

Ох, как его матушка радовалась, нахвалиться не могла сыном! «Теперь мне бояться нечего,– думает,– прокормит меня сынок до самой моей смерти». Даже к старосте сельскому завернула, не удержалась и ему похвастала.

А староста был жадный да завистливый, прежде никогда не держал работников, все из скупости, а тут подумал: «Найму-ка я этого Яноша задешево». Староста как раз недавно земли прикупил, уголья большие, да кустарником все поросли. Вот и пусть силач Янош кустарник выкорчует. Говорит он матери Яноша: так, мол, и так. Обрадовалась женщина, бегом домой припустилась, взяла с собой сына и назад, к старосте. Тотчас и сговорились. Староста за работу Яношеву обязался его с матерью кормить, поить, одевать, а как кончится срок, получит Янош ремешки для бочкоров. А ремешки из спины того из них вырежут – старосты или Яноша, – кто на другого рассердится.

В первый день нового года пришел Янош к старосте за работу приниматься. Утром поставили перед ним маленькую миску с мамалыгой, а потом приказали выгнать овец на дальнюю вырубку и до вечера домой глаз не казать, но подлесок весь выкорчевать. Котомку же дали пустую, так и хлопала на ветру.

Янош не опечалился, овец выгнал, куда приказано, и оставил пастись, а сам насобирал сухих веток и такой огонь разжег, что до неба языки доставали. Когда прогорели дровишки, поймал он двух барашков, освежевал их, насадил на крепкую ветку дубовую да и зажарил на алом жару. До отвала наелся, корочка так и хрустела, сам король бы ему позавидовал!

Вечером пригнал он овечек на Старостин двор. Староста спрашивает:

– Ну и сколько ж ты одолел, Янош?

– Все одолел, ваша честь,– отвечает Янош.

– Неужто все одолел?! Ты про что говоришь-то?

– А про тех барашков пестреньких. Съел я их, другого харча ведь не было. Что, аль осерчали вы, господин староста?

– Что ты, что ты, ни капельки. Правильно сделал. Делай и в другой раз так же, если моя жена опять с пустой котомкой тебя отправит.

Досталось старостихе от мужа, зачем поскаредничала, Яноша с пустой котомкой отпустила – словно не он сам приказал ей так поступить! Но больше-то ведь не на ком было злость сорвать. Так миновала зима. По весне отправился староста поглядеть, много ли Янош успел кустарника выкорчевать.

Пришел и за голову схватился: ни одного кустика не выкорчевано, а Янош спит себе возле овечек в тени, десятый сон видит. Растолкал его староста, ругает, а Янош и ухом не ведет. Послушал, послушал и спрашивает:

– Что, господин староста, аль сердиться изволите?

– Что ты, что ты, негодяй, бездельник, я совсем не сержусь. А вот ты подставляй-ка спину, потому как уговор нарушил.

– Тогда сперва вы, господин староста, подставляйте спину, вы же первый уговор нарушили.

Матушке моей корочки сухой не дали, да и мне – не на всякий день.

«Этого, видать, вокруг пальца не обведешь,– думает староста,– ну уж ладно, придется пострадать, пусть он кустарник все ж выкорчует».

На другой день Янош надивиться не мог, когда в котомку свою заглянул: лежал там большой каравай хлеба белого и сала добрый кусок.

«Ну, коли так,– подумал Янош,– надобно за корчеванье приняться». Взял было топор, вырубать стал, да видит – медленно дело идет. «Да с чего мне мучиться, ну-ка, топор, в сторону!» Схватился обеими руками за куст, сразу с корнями выдернул, потом второй, третий, и пошел, пошел, точь-в-точь как бабы коноплю дерут.

За два дня все и повывергивал – деревья, подлесок, кустарник, плющ,, – потом все в одну кучу свалил, куча получилась с церковь высотой, и поджег.

Вот это был костер так костер! Уж вечер настал, а светло, как днем. Увидели в деревне огонь, испугались, что конец света пришел, вся земля горит. Забили набат, схватили кто топор, кто ведро и бегом на огонь, словно разума лишились. Только на место прибежали, увидели люди, что Старостина вырубка горит, а не мать-земля.

Янош по коленям бил, так смеялся, а люди посердились да и по домам разошлись. Утром староста спрашивает Яноша:

– Много ли корчевать осталось?

– Все выкорчевал, господин староста.

– А куда же сложил то, что выкорчевал?

– Да я сжег все, до последней тростиночки. Неужто не видали вчера, как огонь полыхал?

– Видел, как не видеть, разбойник ты! Только мне сказали, что соседняя деревня горит.

– Так, может, осерчали вы, господин староста?

– Что ты, что ты, и не думал!

А сам, того гляди, лопнет от злости.

Не знали староста со старостихой, что и делать, как от Яноша избавиться. Днем и ночью думали, ломали головы, наконец староста кое-что придумал. Позвал он Яноша и говорит ему:

– Вот тебе задание: ступай в лес, разыщи там дядю Михая, отнеси ему еду да одежду, он уж год в

лесу свиной пасет, обтрепался, должно быть, бедняга. Вместе с ним свиной и пригоните.

Пошел Янош в лес густой, стал свиной искать, хотя их никогда там и не было. Это ж каждому умному человеку понятно: староста погубить Яноша вздумал, затем и в лес послал, может, там зверь какой его задерет.

Вот идет Янош по лесу, в самую чащобу забрался, все заросли прочесал, все места обошел, где велел староста дядю Михая искать, да только нигде его не нашел, за всю дорожку ни одной живой души не встретил.

Целую неделю ищет Янош дядю Михая и подумывает уже, не пора ли домой возвращаться: где ему, в самом деле, этого дядю Михая искать? Как вдруг слышит: топот, хрюканье, веток хруст – не иначе как стадо свиной идет.

Так и вышло! Выбегает на него из густых зарослей большое стадо свиной, а за ними кто-то большой, черный топает – пастух, должно быть.

Обрадовался Янош, что свиной Старостиных все же нашел, да как заорет:

– Эй, дядя Михай, э-ге-гей! Стойте, не спешите так, я вам хлеба принес и одежду на смену!

Но дядя Михай на него и не глянул, за свиньями спешит и ворчит на ходу. Это ж медведь был, не человек, я сам его видел, вот как вас сейчас! А спешил он за дикими свиньями, принаравливался одну какую-нибудь на ужин себе ухватить.

Видит Янош, дядя Михай и не глядит на него. Рассердился парень, догнал пастуха и хватить его по плечу!

– Бог в помощь, дядя Михай, это что ж вы и словом бедного человека не приветите? Вам господин староста одежду прислал, надевайте, да побыстрей, вы вон совсем обносились, не поймешь, в чем и ходите.

Испугался медведь, с перепугу на дерево влез, рычит оттуда на Яноша.

– Ну, хватит, дяденька, шутки шутить, живо слезайте с дерева да рубаху наденьте.

Медведь слезать и не думает, рычит:

– Ррав... ррав...

– Какое там рано! – кричит ему Янош. – Говорю, живо слезайте, дядя Михай!

Да только медведю говори не говори... Рассердился Янош по-настоящему, ухватился за дерево да с корнями выдернул и наземь швырнул вместе с мишкой, по лесу гул прошел.

Застонал медведь, завопил от боли так, что лес загудел, а Янош и говорит:

– Сказано было, дядя Михай, хватит шутки шутить! А теперь, вишь, ударились больно. Ну, берите рубаху, одевайтесь!

Но дядя Михай и впрямь уже не шутил: встал на задние лапы, развернулся и такую оплеуху Яношу закатил, что у того искры из глаз посыпались.

Тут и Яношево терпение кончилось.

А ну, надевайте рубаху, не то попляшете у меня, дядя Михай! – заорал он во всю глотку.

Да только с медведем что ж? – ори не ори, по-хорошему говори или злбствуй, он знай рычит да лапами передними машет, оплеухами сыплет и слева и справа.

– Так вы, значит, вот как! Ну, погодите же, дядя Михай! Схватил тут Янош дядю Михая и сам напялил на беднягу и штаны, и рубаху, да еще тычков не жалел, ежели тот не быстро руки-ноги стибал. Покончив с этим, схватил Янош дядю Михая за руку и потащил за собой: надо ж было и стадо свиной собрать да к старосте гнать. Только дело нелегкое оказалось, не желали свиньи кнута слушаться: ее гонишь в одну сторону, а она в другую бежит, да еще оборачивается, клыки показывает. Срубил тогда Янош дерево сажени в три, стал им управляться, по бокам свиной охаживать – сноровистой дело пошло. Только кабан один, громадный да страшный, орясины не убоился, повернулся и пошел на Яноша – вот сейчас пропорет клыками.

– Остановись, кабан, коли жизнь мила!

Не послушался зверь, хватил его Янош по клыкастой башке кулаком – из вепря и дух вон.

Толкнул Янош тушу к дяде Михаю – займись, мол, пока я стадо соберу.

Дядя Михай справился скоро – целиком вепря сожрал, ни куска не оставил. Вернулся Янош, с досады рукой махнул.

– Уж половина-то вроде бы мне причиталась... Ну да ладно, помогите хоть стадо домой гнать.

А медведь рычит только:

– Ррав... ррав...

– Что значит рано, черт побери! Не рано, а в самую пору! – заорал Янош и такого ему дал тумака, что бегом побежал дядя Михай да вприпрыжку.

И на другой день к вечеру прибыли они к Старостину двору. Ох, братцы мои, до чего же староста испугался! Стоит трясется: еще бы, огромное стадо диких свиней во дворе! А Янош, ни словечка не молвив, загнал все стадо в сарай, одного кабана дяде Михаю на ужин зажарил, а после того подошел к старосте да и говорит:

– Ну, господин староста, ваших свиней я пригнал, но одно скажу: такого пастуха, как дядя Михай, нипочем не держал бы. Уж как я его уламывал, и просил, и грозил, но он и одеться сам не хотел, пришлось обрядить его силою. А ведь совсем обносился: исподнего и того на нем не было. И каравая белого не пожелал откусать, и от мяса жареного нос воротил: мясо он, вишь, сырым только ест – целого кабана слопал, не поперхнулся. Я говорю, домой, мол, пора, а он все «рано» да «рано», еле привел. Нет, был бы я старостой, сей минут от ворот поворот ему дал бы.

– Твоя правда, сынок, гони ты его, да подальше, чтоб в селе и духу его не было, – заторопился староста, лишь бы от медведя избавиться.

Пошел Янош во двор, взял медведя за ухо, вывел за околицу.

– А ну, ступай, – говорит, – дядя Михай, куда глаза глядят. Подхватился мишка и прямо к лесу дунул, только его и видели. «Ну, – думает староста, – от медведя я освободился, но вот с дикимисвиньями как управиться? Эх, сколько их, видимо-невидимо!» Позвал староста Яноша и говорит ему:

– Вижу я, сынок, свиньи-то у нас в теле, забей ты их всех на рассвете.

Встал Янош ранехонько, еще и заря не занялась, всех свиней забил, начал одну за другой на огне палить. К утру что было у старосты соломы – ни соломинки не осталось.

Староста говорит:

– Что ж, сынок, ступай к губернатору, попроси у него чуток соломы взаимы.

Янош пошел к губернатору, тот ему говорит:

– Ступай, сынок, в лес мой, увидишь там бо-ольшой стог соломы, бери оттуда столько, сколько унести сможешь.

Пошел Янош куда приказали, приподнял стог с одной стороны, подлез под него и поволок целиком. У ворот, однако, остановился – не пролазит стог, отодвинул в сторону половину ворот и дальше стог волочит. Когда мимо дверей губернаторских шел, крикнул:

– Благодарствуем, господин губернатор!

– Эй! – закричал губернатор. – Стой, остановись, негодяй, ты же всю мою солому забрал!

Но Янош и не оглянулся, приволок стог к старосте да всю солому и сжег.

«Что ж, – думает староста, – от медведя освободился, от свиней диких тоже, теперь от Яноша бы избавиться».

Думал-думал и придумал, как парня погубить. Был у него во дворе глубокий колодец, уже высохший, на нем лежал жернов огромный, какой и дюжине мужиков не сдвинуть.

Староста Яношу говорит:

– Сдвинь жернов в сторону и сложи в колодец свинину да сало, чтоб не испортились.

Янош одной рукой жернов в сторону сдвинул и спустился в колодец, чтоб мясо принимать, какое ему двадцать четыре работника подавали. Да только недолго работа шла. Староста мигнул, поднатужились двадцать четыре работника и жерновом каменным опять колодец накрыли. Янош ждал-ждал внизу – никто не подает ему мясо, не дождался и полез поглядеть, что они там наверху делают. Лезет, лезет, вдруг голова во что-то уперлась. Глядит, а это жернов. «Ну что ж,– думает Янош, – малость великоваты поля у шляпы, дак ведь у кого какая шляпа есть, ту и надевает».

Дырка в середине жернова как раз по голове пришлась, сунул он в нее голову да вместе с жерновом на свет божий вылез, утра доброго всем пожелал.

– С добрым утречком,– говорит старосте.– А за шляпу, конечно, спасибо, да только мне солнце не во вред, ни к чему мне шляпа с эдакими полями.

Староста злой стоит, не знает, что уж придумать такое, чтобы Яноша известить. А тут весть пришла: надобно либо самому в войско идти, либо кого послать за собой, француза воевать. Обрадовался староста: вот и способ от Яноша избавиться! Дал он ему белого коня, пропитания на месяц целый, еще и денег не пожалел, две монетки дал по двадцать крайцаров.

Вскочил Янош на коня и только тогда спросил:

– А делать-то что там надо, господин староста?

– Ничего делать не надо, сынок, только драться.

– Ну, ежели только драться, то благослови вас бог за доброту, господин староста.

И поехал Янош все вперед да вперед, ни разу не остановился, пока до самой войны не доехал. Как раз подгадал, когда оба войска пальбу открыли великую. Соскочил Янош с коня, стреножил его и пустил попасться, сам же развел костер, воду в котелке вскипятил, мамалыгу варить стал. Только мамалыга закипела, забулькала, вражье войско надумало по костерищу его палить, одно ядро пушечное совсем рядом с Яношем упало.

– Эй, вы там, не стреляйте сюда! – закричал Янош.– Люди здесь! Да только неприятель слушать Яноша не стал, пули, ядра так вокруг запрыгали, словно градины. Опять покричал им Янош;– Сказано вам, сюда не швыряйтесь, не то глядите: ежели в меня попадете либо мамалыгу попортите, несдобровать вам!

Не успел он договорить толком, бахнуло ядро прямо в костер, все напрочь снесло – мамалыгу, дрова, будто ничего и не было. Тут терпение у Яноша кончилось, вскочил он на ноги, молодое дерево буквое с корнями вырвал и кинулся с ним на вражье войско: в одну сторону махнет – пол-армии нет, в другую – еще пол-армии нет; кто мертвым упал, кто бежит со всех ног, ни одной вражьей души на поле не осталось.

– Говорил же я вам! – попенял им Янош, с делом покончив.

И пошел опять огонь разводиться, мамалыгу готовить. Мамалыга вышла на славу, дух от нее по всему лесу идет.

Сидит Янош, мамалыгу свою уплетает. Тут подходит к нему король. Поблагодарил король Яноша за то, что страну его от врагов спас, тотчас в герцоги произвел и самую красивую дочку в жены ему отдал.

Сыграли свадьбу звонкую, кормили-поили всех без разбору, а Янош съездил в свою деревню, привез к себе мать родимую, и жила она с той поры горя не ведая.

Да они и сейчас все живы, коль не умерли.